

Шэнь Циньгэ провела кончиками пальцев по грубым зазубринам на краю аптечного ящика. Кожу неприятно покалывало, словно от прикосновения к наждачной бумаге.

Фарфоровый флакон в предрассветных сумерках отливал холодным блеском, а в его гладких боках отражалось пасмурное небо, похожее на размытую тушь.

Когда она перетирала последние три стебля семилистного лотоса, снаружи донеслось размеренное и звонкое постукивание — лекарь Ван снова взялся за топор, разрубая заплесневелый корень дудника. Глухие удары стали о дерево эхом отдавались в тишине.

— Дудника не хватает семи цяней, полыни — меньше трети, — Лю Жуянь листала отсыревшую книгу учета; от влажной бумаги исходил затхлый запах, а голос её то и дело пропадал в ритмичном стуке пестика о ступку.

На земляном полу временного лазарета темнело пятно цвета индиго, бросавшееся в глаза в полумраке, словно уродливое родимое пятно.

Яд, просочившийся прошлой ночью из мешков, с тихим шипением просачивался сквозь щели в кирпичах под аптечные шкафы, источая едкий рыбный запах.

В дверях внезапно показался Сяо Юй. Его темные одежды мелькнули, словно черный вихрь, принес с собой утреннюю прохладу и влажное дыхание горных туманов. Холод тут же пробрался под полы платья.

Он небрежно бросил на стол два поникших стебля семилистного лотоса, края которых были испачканы подозрительным синим соком. Листья с тихим шелестом скользнули по воздуху.

— Всё, что можно было найти в радиусе тридцати ли, уже срезали за ночь, — глухо произнес он.

— Даже у корней травы, вызывающей спазмы, остались одни обрубки, — А-Фу вытер со лба капли синего сока, липкого и ледяного. Деревянная табличка на его поясе при каждом движении издавала странный, тревожный звон. — На склоне свежие следы копыт, подковы подбиты на манер южных племен Наньчжао...

Договорить он не успел: резкий стук пестика о керамическую ступку перебил его.

Лекарь Ван, сжимая в руке кусок почерневшего корня астрагала, усмехнулся:

— Если госпожа Шэнь и впрямь способна составить противоядие, с чего бы Императорской медицинской академии отправлять вас в очаг заразы на верную смерть?

Он с нажимом выделил слово госпожа, а его похожий на сухую ветку палец указал на дверь, из-за которой доносились стоны больных.

— Вместо того чтобы переводить лекарства, лучше бы сварили лишний котел отвара для поддержания жизни!

Шэнь Циньгэ внезапно подхватила ступку и вышла на свет. Солнечные лучи тут же согрели её плечи.

Ядовитые насекомые в стеклянной чаше, едва коснувшись порошка лотоса, забились в конвульсиях, изрыгая синюю слизь, которая с тихим всплеском оседала на дно.

Под изумленные возгласы окружающих она погрузила серебряную иглу в эту жидкость:

— У троих пациентов, которых принесли вчера, белки глаз уже очистились от синей пелены.

Лю Жуянь вовремя развернула историю болезни:

— Порошок Подавления Мора дали в час Петуха, к часу Крысы вышло семь частей отравленной крови.

Она демонстративно поднесла пожелтевший лист бумаги к самому лицу лекаря Вана. На бумаге, шелестевшей на ветру, виднелись ряды красных отпечатков пальцев — знаков согласия семей больных.

Сяо Юй вдруг насмешливо хмыкнул и пнул носком сапога корзину у ног лекаря Вана. Та отозвалась гулким дребезжанием:

— Старик, ты нарезал дудник такими толстыми ломтями, что их можно подкладывать в сапоги вместо стелек.

Женщины, стоявшие у котлов, заглянули в корзину и увидели на дне куски нерастолченного рога носорога — драгоценного ингредиента, который следовало превращать в тончайший порошок.

Пока толпа шумела, Шэнь Циньгэ присела у карниза, перебирая лекарственный жмых, который тихо шуршал у неё под пальцами.

Внезапно её руку, испачканную хной, накрыла теплая, мозолистая ладонь. Это была немая девушка, обычно прятавшаяся в углу за готовкой отваров. Она достала из волос половинку высушенного семилистного лотоса и трижды указала на юго-восток.

— Жертвенный стол в Храме Городского бога! — А-Фу хлопнул себя по колену так громко, что звук разнесся по всей округе. — Стела заслуг, которую мы отправили туда в прошлом месяце...

Договорить он не успел — Сяо Юй схватил его за шиворот и выволок вон.

В глазах Сяо Юя мелькнула тревога. Пока его тащили, он лихорадочно перебирал в уме все, что было связано с храмом, и невольно ускорил шаг.

В тот миг, когда топот копыт затих вдали, Шэнь Циньгэ заметила, как из рукава Сяо Юя выпала пиллюля Красного Пиона. Тонкие трещинки на её поверхности в точности повторяли узор на кусках рога носорога из корзины лекаря Вана.

Когда сумерки окрасили бумажные окна в цвет красного шелка, Сяо Юй вернулся. Деревянный ларец с грохотом упал на пол, рассыпав вороньи перья. Вместо семилистного лотоса в нем ровными рядами лежали двенадцать ароматических мешочков из сиамской парчи, на каждом из которых стояла личная печать помощника министра доходов.

На самом дне лежал обрывок окровавленного чиновничьего халата. Узор павлина на нагрудной нашивке пропитался ядом индиго, но на перьях золотой нитью была вышита тайная метка Павильона Теней.

Переодеваясь, Шэнь Циньгэ почувствовала, что её рукав стал тяжелее.

Она вынула пиллюлю Красного Пиона, которую подбросил Сяо Юй. Сахарная глазурь на ней медленно таяла с тихим шипением, обнажая спрятанную внутри половинку высушенного семилистного лотоса.

Она вспомнила жест немой девушки: в щели третьей балки, что смотрела на юго-восток, была спрятана половина Записей о диковинных травах Южного края.

Трижды ударил колокол, возвещая вторую стражу. Звук его чисто звенел в ночной тишине.

Шэнь Циньгэ смешала растертый лотос с тремя каплями киновари. Порошок, соединяясь с жидкостью, издал едва слышное бульканье.

Лунный свет осветил потайной отсек в аптечном шкафу. Там лежал ландыш с фиолетовым стеблем — ядовитая трава, изображенная на первой странице Записей. Рядом чьей-то рукой, окуренной ароматом сандала, было выведено четыре иероглифа: клин клином вышибают.

Лунный свет застыл инеем на прожилках листьев ландыша, холодный и яркий.

Вдруг Лю Жуянь перехватила её запястье.

Повязка на её руке пропиталась ядом цвета индиго, а кровь, сочащаяся сквозь ткань, издавала тихие влажные звуки.

— Используй мою кровь, — Лю Жуянь схватила пестик и полоснула себя по ладони. Раздался резкий вдох, и в тот миг, когда капли крови упали в чашу, ядовитые насекомые набросились друг на друга. Две струйки яда, смешавшись, превратились в полупрозрачные кристаллы, которые жутко мерцали в свете ламп.

Шэнь Циньгэ быстрым движением вогнала серебряную шпильку в точку Цюй-чи на руке Лю Жуянь, чтобы остановить кровь. На головке шпильки был выгравирован лотос на одном стебле, который в крови стал отчетливо напоминать очертания ландыша из тайника.

— Ты давно знала, что я повредила легкие, пробуя лекарства?

— Лекарь Ван, когда рубил травы, всегда поджимал левую ногу, — Лю Жуянь сорвала окровавленный кусок рукава, обнажая старые шрамы от ожогов на запястье. — На подошвах его сапог была пыль от сандалового дерева, которое поставляют только в Министерство доходов, — точно такая же, как на мешочках из сямской парчи.

В этот момент А-Фу влетел в окно, опрокинув сушилку для трав. Грохот упавших реек разорвал ночную тишину.

На шее у него болтался темный плащ Сяо Юя, пропитанный ядом индиго — тем самым, что был на нашивке чиновничьего халата.

— Черный рынок... — прохрипел слуга, выплевывая щепку сандалового дерева. — Господин сказал... в третьем кирпиче у собачьего лаза западных ворот...

Барабанная дробь заглушила его слова. Десятки казенных фонарей ворвались в полуразрушенную дверь лазарета, которая жалобно скрипнула.

Красная поясная табличка со свистом пронеслась мимо лица Шэнь Циньгэ и вонзилась в шкаф.

— Именем императора, переулок оцеплен! — Чиновник, стоявший во главе отряда, раздавил сапогом вороньи перья. Подол его халата с павлином прошелся по ране Лю Жуянь. — Господин Сяо, раз уж вы так разбираетесь в следах копыт из Наньчжао, извольте проследовать со мной и опознать новые могилы на кладбище за городом.

Смех Сяо Юя донесся с карниза. Он стоял, небрежно опираясь на обломок стрелы:

— Господин Чэнь, а почему кисточка на вашем сямском мешочке того же цвета, что и крошка от Стелы заслуг, которую я расколол этим утром?

Он ловко поддел позолоченным кинжалом рукав чиновника, и двенадцать деревянных табличек с громким стуком посыпались в аптечную печь. В поднявшемся дыму отчетливо проступила личная печать помощника министра доходов.

Лю Жуянь вдруг зашлась в приступе кашля, и капли крови из-под её пальцев упали прямо на сапоги чиновника.

Шэнь Циньгэ воспользовалась моментом и опрокинула стеклянную чашу. Разъяренные насекомые, ведомые ядом индиго, поползли вверх по алому халату.

— Потрудитесь раздеться, господин, — она придвинулась вплотную, приставив серебряную иглу к шее чиновника. — Этот яд при контакте с воздухом проникает до самых костей. Если до третьей стражи не применить ландыш с фиолетовым стеблем...

Крик ужаса вспугнул ночных птиц, а острие кинжала Сяо Юя уже упиралось в пульсирующий висок господина Чэня.

А-Фу тем временем сунул ему в руку кусок рога носорога, узор на котором идеально совпал с трещинами на пилюле Красного Пиона:

— На Стеле заслуг у земельного храма на западе высечено ровно столько лекарств, сколько вы, господин, насильно отобрали у людей за эти годы.

Пробила четвертая стража. Шэнь Циньгэ смотрела, как Сяо Юй перемахнул через стену. Сахарная глазурь на пилюле в её рукаве давно растаяла.

Записи о диковинных травах Южного края, которые протянула ей Лю Жуянь, сами собой раскрылись на последней странице. На выцветших комментариях внезапно проступили свежие чернила — кто-то ядом индиго дописал полстроки:

В час Быка, в третью четверть, путь через крысиную нору открыт.

<http://bllate.org/book/18527/1781933>